Одним из ярчайших событий культурной жизни Москвы стал Международный театральный фестиваль ВГИКа и главное его событие спектакль "Зойкина квартира" (4 курс актерской мастерской Нар.арт России А.Михайлова). Мы сочли необходимым опубликовать впечатления о спектакле.

Ниже мы публикуем рецензию Алексея Вульфова на спектакль "Зойкина квартира"

Нельзя остаться равнодушным после глубокой радости присутствия на спектакле «Зойкина квартира», пьеса М.А.Булгакова, в учебном театре ВГИКа (мастерская А.Я.Михайлова). Не лучшая из пьес писателя, несколько, на мой взгляд, «кособокая» по форме, с немного съеденным, торопливым финалом (от убийства до конца пьесы слишком близко), актуальная больше для своего времени, чем как некая притча (Москва второй половины 1920-х гг., наступление НЭПа, раскалённая ностальгия по старому еще у многих уцелевших «бывших»). Характерна также для М.А.Булгакова ещё с «Записок врача» тема морфия и кокаина, ну и, конечно, эта пьеса прославилась, как известно, происхождением именно отсюда куда более известного читателям и зрителям, чем Аметистов, образа Остапа Бендера, появившегося под несомненным влиянием этой пьесы. Смысловая заданность пьесы, казалось бы, очевидна. Но какую же блестящую штуку (именно штуку от слова «штюк», лучше сказать – «кунстштюк», то есть выделанная штука, с присутствием искусства и искусности) сделали из нее режиссер и актеры!

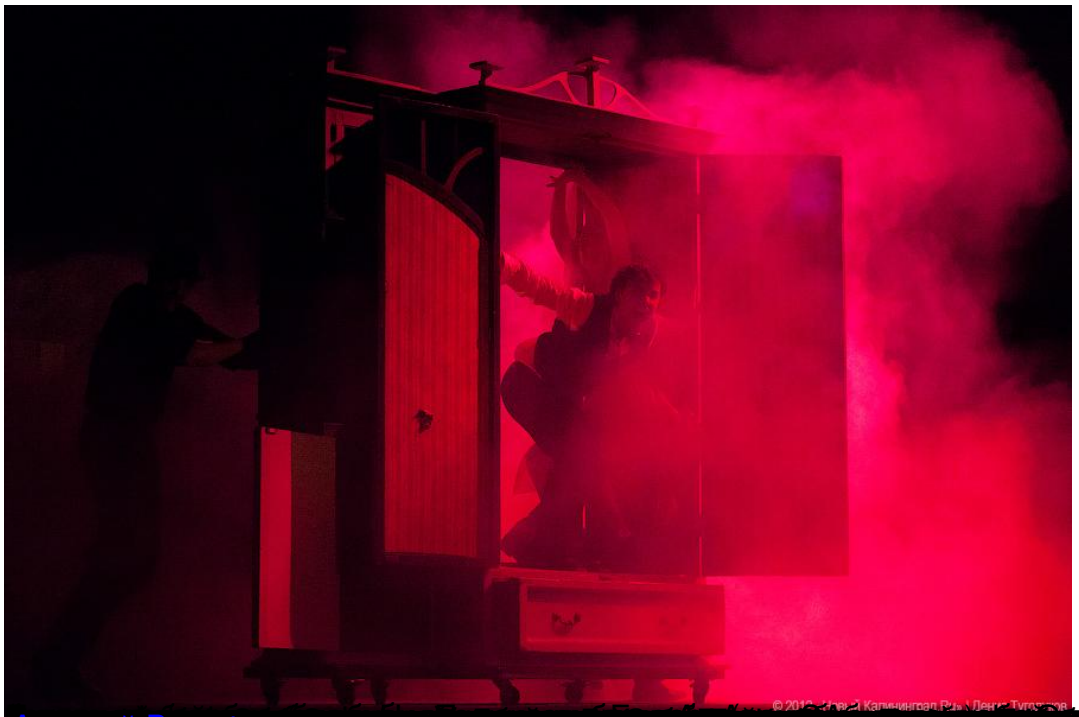
Поражает способность совсем молодых людей так глубоко проникнуть в характер героев. Выдающийся русский актер и режиссер Александр Михайлов сумел создать превосходный сценический коллектив истовых исполнителей, настоящих артистов. Это русская классическая школа, представленная, тем не менее, современно, с одной стороны - без нафталина, пыли и выцветших буклей, с другой стороны – без бояр на трапеции и так называемого «поиска» или, еще хуже, «домысливания», «переиначивания» автора (классики в этом никогда не нуждаются). Классичность трактовки пьесы без попытки насыщать ее какими-то придуманными или внешними катализаторами становится мощно выразительной благодаря главному – блестящей, мастерской актерской игре. Строящейся на сценическом мастерстве без обмана – и это замечательно. Театр – не кино, где можно с помощью глубокомысленного курения сигареты или мешания кофе о многом сказать средним или крупным планом, – это место, где именно *играют*, в средневековом значении этого слова («Игра о…») – так, чтобы и галерку проняло, а для этого нужна неподдельная эмоциональная сила, поставленная вещательность актеров и эффективность решений режиссера, которая во время действия проявлялась бы, тем не менее, незаметно для публики, не выпирающе. В спектакле поразила степень концентрации действия, актерской игры, темпа, насыщения сцен – каждая молекула, микроскопическая деталь действия осмыслены, обыграны. Филигранная работа, редкостная. Очень совестливо, классично отнеслись к делу и режиссер, и актеры. Какой превосходный поиск! – сколько деталей при эластичности сцен, непридуманности, незатянутости - и вместе с тем всё на каких-то ходах, на эксцентрике, на сугубо театральном выразительном средстве, а не на средствах

«извне», на прямой, честной игре, подаче себя, какой (какая) есть, а не на пускании тумана «намёков» или, чего хуже, ложного глубокомыслия (впрочем, сложившемуся сценическому коллективу такого класса это не нужно, ребятам и так есть, что сказать). Попросту говоря – честная работа не с высокомерием к зрителю, а напротив – с жарким порывом, искренним ходом к нему. При этом полное профессиональное достоинство, без присущей современной шпанскости.

Поразил высочайший к.п.д. использования сценического пространства и реквизита! Прекрасно найденный шкаф-постель и три передвижных шкапа или ширмы при минимуме других предметов, в то же время абсолютно достаточных для создания атмосферы эпохи. Движение и переменные комбинации этих шкафов-ширм превращаются в элемент ритмики спектакля, помогают его действию бежать, не топтаться! Отлично, что костюмы именно эпохи двадцатых годов, да и что они в принципе есть, а не заменители вместо них того или иного рода – это всегда очень приятно зрителю. Слава Богу, нет никакого осовременивания, «переноса в сегодня», всех этих унижающих настоящего актера шуточек из разряда «пипл хавает», намеков, словечек об «актуальном» - когда играют классиков, не нужно этого, это для развлекательных телепередач, столь же содержательных, сколь порошковый лимонад в пластмассовой бутылке. Со вкусом большим и тактом сделано - и нельзя не восхититься бережностью режиссера к булгаковскому слову, несмотря на купюры и сокращения целых персонажей (повторяю – высокомерие, высокоумие по отношению к классикам всегда абсурдно и жалко – в любом случае нам учиться у Михаила Афанасьевича

Булгакова, а не ему у нас). Он эту пьесу написал в текстовом темпоритме как бы перевода со своего любимого Мольера, это чувствуется по динамике речи во время спектакля, и актеры эту активную, немного отрывистую динамику великолепно подхватывают, используют, развивая посредством насыщенной энергетики и лаконизма фраз темп действия. Аметистов говорит у Булгакова цветисто, с вкусными словечками – можно было бы даже еще немножко посмаковать их, чуть сакцентировать – это же, при всей приблатненности, очень живая, выпуклая, яркая речь, хотя «пересмаковывать», конечно, не стоит. Поразительны вкус и целомудрие, очень давно не виданные в большинстве современных спектаклей, тем более эксцентричных по действию. Это настоящая интеллигентность (в переводе слово «интеллигент» означает

«понимающий») – качество, вымирающее ныне, и присутствие этого редкостного, почти музейно-декоративного уже качества просто нельзя переоценить. Я бы причислил интеллигентность режиссерского и актерского решения этой «Зойкиной квартиры» к настоящему национальному достоянию.

© 2012 «Новый Калининград.Ru» | Денис Тихолуков

© 2012 «Новый Калининград.Ru» | Денис Тихолуков